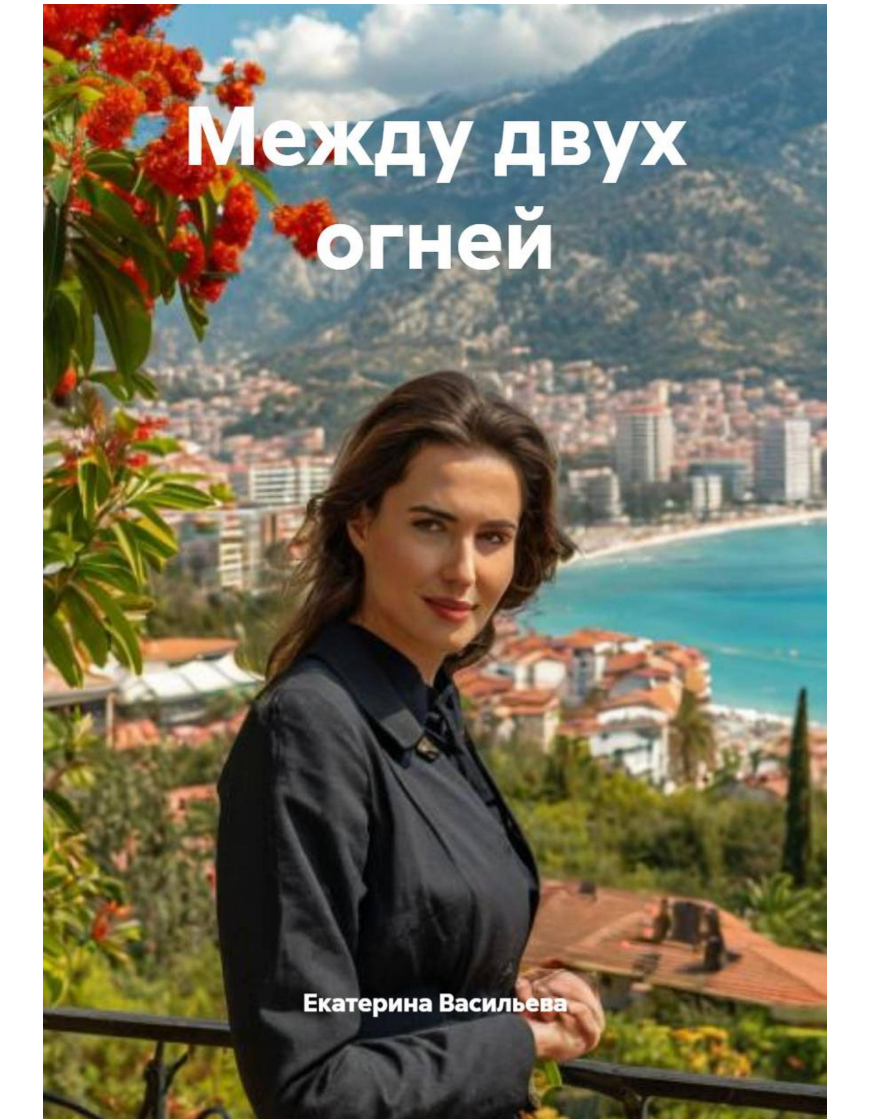

A woman with long brown hair, wearing a black button-down shirt, stands on a balcony with a black metal railing. She is looking over her shoulder towards the camera. In the background, a coastal city with red-tiled roofs and modern buildings is visible, nestled at the foot of a large, forested mountain. The sea is a vibrant blue. In the top left corner, there are bright red flowers. The sky is blue with some white clouds.

Между двух огней

Екатерина Васильева

Екатерина Владимировна Васильева

Между двух огней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73278703

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь Арины – серый «день сурка» в роли бухгалтера. Подарок себе на 30-летие – поездка в Аланию – всё меняет. Там она встречает Мехмета, учителя русского, который видит в ней не функцию, а загадочную и желанную женщину.

Яркий курортный роман оборачивается мучительной тоской. Вернувшись в холодную реальность, Арина понимает: она разрывается между двумя мирами. В одном – унижительная рутина, в другом – обещание счастья и слово «люблю» в телефонной трубке.

Когда чаша терпения переполнена, она совершает безумный поступок. Она покупает билет в один конец. Это история о смелости сжечь мосты, чтобы вырваться к настоящей жизни. Цена будет высока. Но обратного пути нет.

Екатерина Васильева

Между двух огней

Глава1.
День сурка

Утро. 6:30. Будильник.

Звук был одним и тем же на протяжении семи лет. Не мелодия, а вой сирены, встроенный в телефон ещё при покупке. Арина открывала глаза, не просыпаясь. Тело двигалось автоматически: скользящие взгляды на потолок (трещина в форме цифры "7" у люстры), душевая кабина (затирок между плитками становилось всё больше), электрический чайник (та же сколотая эмаль на носике).

Её жизнь измерялась не днями, а квартальными отчётами. Календарь был разлинован не на недели, а на дедлайны: "НДС к 20-му", "Зарплата к 25-му", "Сводка по объектам к 5-му". Ей было ровно тридцать, но её внутренние часы застыли на моменте, когда она, выпускница эконофака с огоньком в глазах, переступила порог офиса "Прогресс-Строй". С тех пор время зациклилось.

Работа. 9:00-18:00. Цифровая клетка.

Офис был аквариумом с тусклым светом люминесцентных ламп. Воздух пахнул пылью от принтера, старым кофе и тихим отчаянием. Её кабинет – стеклянная будка, символ мнимой важности и реальной прозрачности. За стеклом – её коллеги: Марина из отдела кадров, вечно шепчущаяся по телефону; молодой прораб Алексей, смотрящий на Арину с немим укором, когда та задерживала авансовый отчёт.

Её начальник, Дмитрий Сергеевич, был архитектором её личного ада. Он не кричал. Он угнетал методично, как капаящая вода.

– "Арина Анатольевна, в отчёте за май у вас разница в три

копейки. Три. Копейки. Вы понимаете, что из-за такой халатности компания может понести репутационные риски?" (Он говорил "репутационные риски", поправляя галстук стоимостью в её месячную зарплату).

– "Вы сегодня без блузки? Цвет... слишком жизнерадостный для серьёзного учреждения".

– "Обед – ровно час. Не как вчера – час и семнадцать минут".

Её мир был ограничен экраном монитора, где бесконечные столбцы цифр мерцали, как камеры наблюдения. Стопки первичных документов – накладные, акты, счета-фактуры – были кирпичами в стене, которую она ежедневно надстраивала вокруг себя. Вид из окна – на панельные многоэтажки, вечно утопающие в осенней мороси, – был живой картиной её души. Серое на сером.

Вечер. Возвращение.

Путь домой был частью ритуала: одна и та же электричка, один и тот же вагон, одно и то же место у окна (если повезёт). Пассажиры с такими же пустыми, выгоревшими глазами. Дома – тишина, которую гудела набатом в ушах. Холодильник, где приветствовала её одинокая банка с оливками и йогурт с истекающим сроком годности.

День рождения. Кульминация "Дня сурка".

Тридцатилетие стало не праздником, а диагнозом. Коллеги "отметили" заказом пиццы в офис. Дмитрий Сергее-

вич, сделав вид, что вспомнил, вручил ей конверт с денежной премией (ровно 5000 рублей, она пересчитала позже) и корпоративную кружку с логотипом компании. "Чтобы тепло было на душе от нашей общей работы", – сказал он без тени иронии.

Вечером, в своей тихой квартире, Арина листала соцсети. Бесконечный парад чужих улыбок на фоне чужих морей, чужих свадеб, чужих успехов. Она не чувствовала зависти. Она чувствовала небытие. Она была призраком в собственной жизни, тихой тенью, чьё единственное предназначение – сводить дебет с кредитом.

И тогда, глядя на каплю дождя, медленно сползающую по стеклу, она осознала с леденящей ясностью: так будет всегда. Завтра, послезавтра, через год, через десять лет. Тот же будильник, тот же Дмитрий Сергеевич, те же три копейки, та же морось за окном. Её жизнь – это плёнка, которая заиклилась на самых унылых кадрах.

Это осознание было не грустью. Это был ужас. Тихий, всепоглощающий.

Её пальцы сами потянулись к клавиатуре. Она не искала туры, не сравнивала цены. Она действовала с отрешенностью самоубийцы, выбирающего способ. Вбила в поиск: "Прямой рейс. Анталия. Завтра".

Нажала кнопку "Купить".

Один билет. В один конец. К солнцу. В Аланью.

Это был не порыв. Это был акт отчаяния и последняя по-

пытка напомнить себе, что она ещё способна на действие. Что она не просто функция, не "Арина Анатольевна из бухгалтерии", а человек, который может сломать шаблон. Пусть даже на неделю.

Она выключила компьютер. Цифры на мониторе погасли, и впервые за долгие годы в её мире наступила не тишина, а пустота, полная странного, звенящего ожидания. Завтра начнётся что-то другое. Или не начнётся. Но сегодняшний день, этот бесконечный день сурка, наконец-то, должен был закончиться.

Самолёт приземлился в Анталии глубокой ночью. Из иллюминатора Арина видела только огни взлётной полосы и чёрную, ничем не отличимую пустоту. Процедуры в аэропорту, трансфер в предрассветной темноте – всё это прошло

как в густом тумане отрешения. Она механически сдавала паспорт, кивала водителю, держала в руках чемодан, набитый серыми и чёрными вещами, идеально подходящими для офиса и осеннего города. Она всё ещё была внутри своего «дня сурка», просто сменила декорации.

Но потом наступило утро.

Она проснулась не от будильника, а от какого-то пронзительного, невыносимого звука. Не крика, а... трели. Такого чистого, ликующего свиста, который могла издать только птица, никогда не знавшая, что такое кислый дождь и смог. Арина открыла глаза.

И мир взорвался.

Первое, что обрушилось на неё, была даже не жара, пробивавшаяся сквозь щели жалюзи, а ЦВЕТ. Настоящий, безжалостный, ослепительный цвет, который обрушился на сетчатку с силой физического удара.

Она подошла к балкону и раздвинула шторы. И застыла, ослеплённая.

Прямо перед ней, до самого горизонта, лежало МОРЕ. Но не то серо-стальное, холодное, которое она видела раз в жизни на поездке в Прибалтику. Это была ослепительная, живая, невероятная СИНЕВА. Не один оттенок, а миллион: у берега – бирюза, прозрачная и игривая, как стеклянные бусы; дальше – насыщенный лазурит, уверенный и глубокий; на горизонте – почти фиолетовая полоса, таинственная и манящая. Оно не просто лежало – оно играло, переливалось

под солнцем миллиардами зеркальных зайчиков, каждый из которых кричал: «Смотри! Смотри на меня!»

Арина инстинктивно зажмурилась, потом снова приоткрыла веки, щурясь, как ночное животное, вытащенное на яркий свет. Она чувствовала себя кротом, которого внезапно выбросили на поверхность в самый разгар тропического дня. Её зрачки, семь лет приученные к тусклому свету офисных ламп и серому небу, сокращались от боли.

Она опустила взгляд с этого ослепляющего великолепия моря – и снова получила удар по сознанию. **ЗЕЛЕНЬ**. Густая, сочная, почти агрессивная. Пальмы с растрёпанными на ветру кудрявыми макушками, кусты с глянцевыми листьями, и повсюду – эти невероятные **БУГЕНВИЛЛИИ**. Они карабкались по стенам, свешивались с крыш, взрывались фонтанами ядовито-розового, пурпурного, оранжевого. Это не были скромные цветы на клумбе. Это были дерзкие, кричащие всплески жизни, брошенные в лицо самой природой.

И звуки... Звуки не просто доносились – они проникали сквозь стекло. Монотонный, навязчивый стрекот цикад, наполнявший собой всё пространство, как пульс этой горячей земли. Где-то вдалеке, мелодичный и печальный, разливался призыв муэдзина – голос, плывущий над городом и говоривший о чём-то вечном, чего Арина давно не чувствовала. Смех с бассейна – не сдержанный хихикающий смех коллег, а громкий, открытый, животный. Музыка – быстрая, с незнакомыми восточными мотивами, заставляющая кровь

течь чуть быстрее.

Она вышла на балкон. Тёплый, плотный воздух, пахнувший морем, цветами и чем-то сладковато-пряным, обнял её, как одеяло. На соседнем лотке горой лежали апельсины. Не те бледные, замёрзшие шарики из супермаркета. Они были кричаще-рыжими, как маленькие солнца, и, казалось, излучали собственный свет.

Всё это – цвет, звук, запах – било по её органам чувств, долго спавшим в анабиозе. Её мозг, отточенный для цифр и сводок, не мог это обработать. Возникла лёгкая паника, дезориентация. Это было слишком. Слишком ярко, слишком громко, слишком много.

Она отступила в номер, и её взгляд упал на пол в ванной. ИЗУМРУДНАЯ плитка. Не «зелёная в крапинку», как в её доме, а сочный, насыщенный изумруд, по которому были разбросаны золотые узоры. Даже здесь, в этом маленьком замкнутом пространстве, мир отказывался быть серым.

Первые два дня Арина просто лежала. На шезлонге у бассейна, под зонтиком, в простом чёрном купальнике, который резко контрастировал со всем этим буйством. Она не плавала, не читала, не брала в руки телефон. Она просто смотрела. Смотрела, как свет играет на воде, как ветерок шевелит лепестки тех безумных розовых цветов, как облако, белое и пушистое, как вата, медленно плывёт по небу цвета кобальта.

Она чувствовала, как внутри что-то происходит. Та самая

каменная скорлупа, что годами нарастала вокруг её души, слой за слоем отчаяния, рутины и страха, понемногу давала трещины. Не ломалась — нет, это был бы слишком резкий звук. Она тихо, почти незаметно, трескалась. И сквозь эти тонкие щели начинал пробиваться свет. Тот самый ослепительный, шокирующий, живой свет. Она была похожа на человека после долгой спячки, чьи конечности онемели, и теперь в них медленно, с мучительным покалыванием, возвращается чувствительность.

Это покалывание было страшно. Иногда ей хотелось бежать обратно в номер, закрыть все шторы, включить кондиционер и вызвать привычную, комфортную темноту. Но солнце грело её кожу, ветерок обнимал плечи, а море манило своей бездонной синевой. И она оставалась лежать, позволяя миру атаковать её своими красками и звуками, медленно оттаивая, капля за каплей.

На третий день Арина проснулась с непривычным чувством – легким беспокойством, похожим на зуд. Два дня лежания на шезлонге исчерпали лимит бездействия. Солнце перестало просто слепить, оно начало манить. Море переста-

ло быть картинкой, оно звало окунуться в ту самую синеву. И в груди, там, где раньше была ледяная пустота, теперь тихо, но настойчиво стучало: «Иди. Смотри. Живи».

Страх, привычный спутник, сковал ее на пороге отеля. «Ты одна. Ты не знаешь языка. Ты заблудишься». Но этот страх был уже другим – не парализующим ужасом перед Дмитрием Сергеевичем и квартальным отчетом, а легким адреналиновым вызовом. Она глубоко вдохнула воздух, пахнувший жасмином и морем, и сделала шаг вперед.

Она шла без карты, поднимаясь вверх, по мощеным булыжником улочкам старого города. Белые стены домов, увитые пурпурными бугенвиллиями, синие двери и ставни «от глаза», гранатové деревья, протягивающие ветви через заборы. Она заблудилась почти сразу, с радостным чувством потерянности. Здесь не было прямых линий и четких кварталов, только хаотичный, живой лабиринт, где каждый поворот сулил новую картинку: кошка, спящая на старинном камне, старушка, вывешивающая ковер, терраса кафе с видом на бескрайнюю синеву.

И вот она вышла на небольшую площадь, в центре которой бил старый каменный фонтан. Рядом, в тени платана, сидел седой как лунь турок, а перед ним на низких стойках были разложены ковры. Не дешевые китайские подделки, а настоящие, тяжелые, с глубокими, сложными узлами.

– «Хочешь купить? Красивый ковер. Настоящая шерсть. Güzel, güzel!» – закивал он, увидев Арину.

– «No, thank you, I... I just look,» – смущенно улыбнулась она, вспоминая школьный английский.

Турок засыпал ее потоком турецкой речи, полной восторга и жестов. Он разворачивал один ковер за другим, показывая узоры, похлопывал по шерсти. Арина качала головой, пытаясь жестами объяснить, что не собирается покупать. Но он был неумолим.

– «How much?» – наконец, спросила она, надеясь, что высокая цена остановит его.

Он показал пять пальцев, потом десять, что-то объясняя на непонятном языке. Пятьдесят? Пятьсот? Лир или евро? Она растерянно моргала. Ситуация становилась неловкой. Она уже хотела просто развернуться и уйти, но боялась показаться грубой.

И тогда позади нее раздался спокойный, бархатный голос. В нем не было ни тени акцента, только идеальное, почти академическое произношение, как у дикторов старых советских фильмов:

– «Позвольте, я помогу? Он говорит, что этот ковер ручной работы из горной деревни. Пятьдесят лет шерсть окрашивали только натуральными красками. Он просит за него тысячу лир, но готов уступить за восемьсот, потому что видит в вас ценительницу прекрасного».

Арина обернулась, еще не веря своим ушам. Перед ней стоял не стереотипный загорелый ловелас в открытой рубашке и с нарочитой улыбкой. Это был мужчина лет тридца-

ти пяти, в простой светлой льняной рубашке, темных джинсах. На носу – очки в тонкой металлической оправе, придававшие ему вид ученого или писателя. В одной руке он держал книгу в мягком переплете. Но больше всего Арину поразили его глаза – цвета темного, теплого меда, и в них светился не просто интерес, а живой, смеющийся ум. Это был Мехмет.

Она застыла, пораженная неожиданностью и самим звуком родной речи в этом красочном хаосе.

– «Вы... вы учите русский?» – наконец выдавила она, чувствуя, как звучит это глупо, и указывая на книгу в его руке.

Он последовал за ее взглядом и мягко улыбнулся, чуть приподняв книгу. На обложке угадывались знакомые строки и имя: Анна Ахматова. «Вечер».

– «Я его преподаю, – поправил он вежливо, но без тени высокомерия. – И, как всякий настоящий учитель, бесконечно учусь сам».

Он на секунду задумался, его взгляд скользнул по извилистым улочкам, сбегаящим к морю, а затем вернулся к ней.

– «Знаете, русский язык для меня – как этот старый город. Кажется, что изучил каждую улочку, каждый закоулок. Знаешь все грамматические тропинки и лексические площади. Но стоит только отвлечься, углубиться, и ты находишь потайную дверь. Неожиданное слово, оборот, смысловой оттенок... Как вот эта арка, – он кивнул в сторону заросшей плющом каменной арки в стене, – за ней может быть чей-

то скрытый сад или просто глухой тупик. Но чтобы узнать – нужно заглянуть».

Арина слушала, замороженная. Никто в ее жизни не говорил о языке так – как о живом, дышащем лабиринте, полном тайн. Это было так далеко от сухих отчетов и укоряющего голоса Дмитрия Сергеевича.

– «А... а что за дверь вы нашли сегодня?» – спросила она, сама удивляясь своей смелости.

Мехмет посмотрел на книгу в своей руке, и его глаза вновь улыбнулись.

– «Сегодня я застрял у одной двери. У Ахматовой: «Настоящую нежность не спутаешь ни с чем...» Мне все кажется, я не до конца понимаю это «ни с чем». Это отрицание всего мира? Или одной, конкретной подделки? Каждая попытка перевода на турецкий открывает новый смысл, но закрывает старый. Это бесконечная головоломка».

Он говорил легко, как будто делился не академической проблемой, а увлекательной загадкой. Пожилой торговец, поняв, что сделка сорвалась, но увидев интеллигентную беседу, лишь добродушно махнул рукой и принялся сворачивать ковры.

– «Извините, я вас отвлек от... покупок?» – Мехмет сделал шаг назад, давая ей пространство.

– «О, нет! Я просто... гуляла. И заблудилась», – быстро сказала Арина, с облегчением осознавая, что угроза быть погребенной под горой ковров миновала.

– «Заблудиться в Алании – лучший способ найти что-то настоящее», – сказал он. Его взгляд на мгновение стал внимательным, изучающим. – «Но если вы ищете дорогу к крепости, то она вот, за этим фонтаном, вверх по лестнице. Там открывается вид, от которого... – он поискал слово, – от которого перехватывает дыхание. Даже у местных».

– «Спасибо», – сказала Арина, и это «спасибо» прозвучало искреннее, чем все благодарности, сказанные ею за последние годы.

Он кивнул, чуть склонив голову в легком, почти старомодном поклоне, и сделал движение, чтобы обойти ее.

И тут Арина, к собственному удивлению, услышала свой голос:

– «А... а вы не знаете, где здесь можно выпить кофе? С тем самым видом?»

Мехмет остановился и повернулся. В его медовых глазах вспыхнула искорка – не торжества, а скорее дружелюбного любопытства.

– «Знаю. Но это тоже потайная дверь. Если хотите, я могу показать. Я как раз направлялся туда – читать Ахматову и пытаться понять это самое «ни с чем».

Турок-ковроторговец, видя, что его клиентка теперь под защитой местного интеллигента, сменил тактику. Он схватил с прилавка не ковёр, а небольшой изящный синий глаз Фатимы из матового стекла на тонкой серебряной цепочке.

– Nazar boncuğu! От сглаза! Красиво! – воскликнул он, поднося амулет к Арине и демонстративно обращаясь к Мехмету, как к переводчику и союзнику.

Арина растерялась. Вещь и правда была красивой. Синее стекло напоминало глубину того самого моря. Но мысль о торге приводила её в ужас.

– Скажите, пожалуйста, сколько? – тихо спросила она у Мехмета.

Тот перевёл вопрос. Старик выпалил цифру, размахивая руками.

– Он говорит сто лир, – перевёл Мехмет. – Но это начальная цена для потерявшихся туристов. – В его глазах мелькнула едва уловимая улыбка. Он повернулся к торговцу и заговорил на турецком мягко, но уверенно. Тот начал возражать, размахивать руками, но Мехмет говорил спокойно, с лёгкой, дружеской интонацией. Казалось, они не торгуются, а ведут философский диспут о справедливой стоимости красоты.

Через минуту Мехмет обернулся к Арине:

– Пятьдесят. Это честная цена. Хотите?

– Да, – кивнула Арина с облегчением, доставая деньги. Она не знала, честная это цена или нет, но доверяла тону его голоса.

Она протянула купюру торговцу. Тот, покачив головой и что-то буркнув с преувеличенной скорбью, вручил ей амулет, бережно упакованный в крошечный пакетик. Его взгляд будто говорил: «Ладно, для подруги такого уважаемого че-

ловека – сделаю исключение».

– Теперь вы под защитой, – с лёгкой иронией заметил Мехмет, глядя на свёрток в её руках. – И от дурного глаза, и от слишком навязчивых продавцов.

– «Спасибо вам огромное», – сказала Арина, и эти слова наконец прозвучали искренне, без прежней скованности. – Я бы одна...

– Ничего страшного не случилось бы. В худшем случае, вы приобрели бы прекрасный, но немного дорогой ковёр, – он улыбнулся. – А так у вас есть история и сувенир с характером.

Он посмотрел на часы – простые, с кожаным ремешком. Потом его взгляд скользнул по площади, остановившись на каменной лестнице, ведущей к крепости.

– Вам пора к тому виду, – мягко напомнил он. – А мне – к моим ученикам.

Он сделал шаг, чтобы уйти, и Арина почувствовала странный укол сожаления. Эта неожиданная помощь, этот спокойный разговор о поэзии и языковых лабиринтах – были как глоток чистой воды после долгой жажды. И вот сейчас щелочь привычного одиночества снова начнёт разъедать горло.

Мехмет обернулся, как будто что-то вспомнив. Не назад к ней, а вполоборота, и сказал это так, словно делился незначительной, но приятной местной подробностью:

– Видите там, за фонтаном, террасу с синими стульями? Это кафе «Yildiz» – «Звезда». Там, на мой взгляд, лучший в

старом городе вид на закат. Солнце садится прямо в море, и весь залив становится золотым. — Он снова посмотрел на неё, и в его медовых глазах не было ни намёка на навязчивость, только открытое, интеллигентное приглашение. — Если захотите взглянуть на это... и, возможно, немного попрактиковать русский с его носителем, — он чуть склонил голову, — я буду там сегодня около семи. Читать Ахматову. И думать о «потайных дверях».

И, не дожидаясь ответа, кивнул на прощание и пошёл вниз по улочке, растворившись в тени от стены, покрытой виноградом. Он не оглянулся.

Арина стояла, сжимая в ладони маленький тёплый свёрток с глазом Фатимы. Сердце стучало не из-за дерзости приглашения — оно не было дерзким. Оно было... уважительным. Как будто он предлагал не свидание, а продолжить интересный разговор в подходящей обстановке.

Она пошла к крепости. Вид и правда захватывал дух. Вся Аланья лежала у её ног, как игрушечная: красные черепичные крыши, лабиринт улочек, бесконечная синева. Но мысли её были не здесь.

«Русский язык — как этот старый город... потайная дверь».

Это сравнение отозвалось в ней чем-то глубинным, дремавшим много лет. Ей вдруг страшно захотелось найти свою потайную дверь. Не в языке, а в себе. Та, что ведёт из серого мирка цифр и отчётов... куда? Она не знала. Но этот человек

с книгой стихов, казалось, знал, где такие двери искать.

Она вернулась в отель, долго стояла перед зеркалом, разглядывая своё отражение – лицо, всё ещё отвыкшее от яркого света, глаза, в которых появилась неуверенная, но живая искорка. Она надела не самое броское платье – простое, льняное, песочного цвета. Не для того, чтобы произвести впечатление. А чтобы чувствовать себя собой.

Ровно в семь она подошла к кафе «Yildiz». На террасе, на самом краю, за столиком с видом на бескрайний залив, сидел он. Перед ним стоял стакан с чаем в тонком стекле, дымилась маленькая чашечка турецкого кофе, и лежала раскрытая книга. Он что-то помечал на полях карандашом, полностью погружённый в свои мысли. Закат только начинал разливаться по небу апельсиновыми и розовыми красками.

Арина сделала глубокий вдох. Это был не просто шаг к столику. Это был шаг к той самой потайной двери. Она сделала его.

Он не заметил её сразу. Арина замерла на пороге террасы, наблюдая, как закатное солнце, низкое и огромное, кладёт золотую дорожку прямо к его столику. Мехмет был погружён в книгу, его профит чётко вырисовывался на фоне пылающего неба. Он что-то тихо бормотал себе под нос, пробуя звучание строк, потом делал лёгкую пометку карандашом на полях. В этой сосредоточенности было что-то настолько

непривычное и притягательное для Арины, чья работа никогда не требовала погружения, только поверхностной, но безошибочной точности.

Она подошла, и тень скользнула по странице. Он взглянул вверх, и его лицо озарилось не торжествующей, а искренне радостной улыбкой, как у человека, который нашёл потерянную цитату.

– Вы пришли. Я начал волноваться, что мой русский сегодня был недостаточно убедительным, – пошутил он, вставая и отодвигая для неё стул.

– Ваш русский... он завораживает, – неожиданно для себя призналась Арина, садясь. – Кажется, я впервые слышу, как кто-то говорит на нём с таким... наслаждением.

Он рассмеялся, мягко, негромко.

– Это потому, что для меня это не инструмент, а парк развлечений. Или, как я уже говорил, лабиринт. Вот, смотрите. – Он указал пальцем на страницу. – Ахматова: «И короткую песню разлуки пароходные поют гудки». Как перевести это «поют» на турецкий? *Söylemek* – говорить, провозглашать? Слишком прямо. *Çalmak* – играть на инструменте? Тоже мимо. Гудок не поёт, он стонет, кричит. Но Ахматова слышит в нём песню. Тоску. Поэзию. Это и есть та самая дверь.

Официант принёс Арине меню. Она растерянно посмотрела на непонятные названия.

– Позвольте мне? – предложил Мехмет. – Я закажу вам

то, что пьют здесь, когда хотят замедлить время и заставить закат длиться дольше.

Она кивнула. Он что-то быстро сказал официанту на турецком, и через мгновение перед Ариной поставили узкий стакан с прозрачным янтарным чаем и маленькую изящную чашечку с чёрным, как ночь, кофе.

– Чай – чтобы смотреть. Кофе – чтобы чувствовать, – пояснил он. – А теперь смотрите.

И Арина посмотрела. Бухта Клеопатры внизу начинала преображаться. Вода, ещё недавно бирюзовая, вбирала в себя отблески неба, становясь расплавленным золотом, а там, куда уже пала тень от крепости, – густым, бархатным пурпуром. Небо было похоже на гигантскую палитру безумного художника: от нежно-розового через персиковый и огненно-оранжевый к глубокому синему на востоке.

– Красиво, – выдохнула она.

– Да, – согласился Мехмет. – Но это слишком простое слово. Турки в таком случае говорят «nefes kesici» – «захватывающее дух». Русские, мне кажется, часто молчат в такие моменты. И это правильно. Некоторые вещи язык только портит.

Они сидели в тишине несколько минут, наблюдая, как солнце, словно раскалённая монета, медленно тонет в жидком золоте моря. Арина чувствовала странное спокойствие. Никакой необходимости заполнять паузу пустой болтовней.

– Вы знаете, – начал Мехмет, когда на небе зажглись пер-

вые, самые смелые звёзды, – мне иногда кажется, что язык, на котором мы думаем, рисует границы нашего мира. В турецком есть слово «hüzün». Это не просто грусть или тоска. Это коллективная, почти мистическая меланхолия, ностальгия по чему-то, чего, возможно, никогда не было. Её можно чувствовать ко всему городу. В русском я такого слова не нашёл. Зато есть «тоска» – более личная, гложащая, неприютная. И «уют» – тёплое, маленькое, безопасное. Турок не поймёт «уют» до конца, пока не проживёт зиму в русской деревне.

Он говорил не лекцией, а размышлениями вслух, будто приглашая её в свой мыслительный процесс.

– Вы никогда не думали, что ваша работа могла бы звучать по-другому? – вдруг спросил он. Не «кем вы работаете?», а именно так.

Арина задумалась.

– Я бухгалтер. Цифры. Они... везде одинаковые.

– Вот видите! – он оживился. – «Бухгалтер» – от немецкого «книговед». Скучно, сухо. А по-турецки это «muhasebeci», от арабского корня «hasaba» – подсчитывать, но также и «отчитываться», «давать отчёт». Чувствуете разную окраску? Немецкий вариант – о процессе. Наш – об ответственности. Даже ваша профессия в разных языках – разная.

Арина слушала, и её внутренний мир, прежде чёрно-белый и упорядоченный, начал наполняться новыми, непри-

вычными красками.

– А вы, – он отхлебнул чаю, глядя на неё поверх стекла, – какое русское слово кажется вам самым красивым? Не самым полезным или точным. А именно красивым на вкус, на звук?

Вопрос застал её врасплох. Никто не спрашивал такого. Её смущение было таким явным, что она покраснела, но он ждал спокойно, с искренним интересом.

Она закрыла глаза, пытаясь отключиться от логики, позволить словам всплывать самим. И из глубин памяти, из детства, когда она читала сказки при свете ночника, всплыло оно.

– Сумрак, – выдохнула она почти шёпотом, открыв глаза. – Мне всегда нравилось это слово. Оно... шершавое и мягкое одновременно. Как бархат. И оно звучит ровно так, как то, что означает. Тихо, таинственно, синевато. Не темнота, не ночь. Именно сумрак.

Глаза Мехмета загорелись тем самым внутренним светом, который она заметила у фонтана.

– Великолепно, – прошептал он. – Совершенно. Alacakaranlık. По-турецки. Тоже красиво, но... слишком буквально. «Время, когда берут свет». А «сумрак»... да, в нём есть тайна. Спасибо, что поделились.

Он помолчал, глядя на первые огни города, зажигающиеся внизу.

– А для меня, – сказал он задумчиво, – одно из самых

прекрасных русских слов – «беспричинность». Оно такое... свободное. В нём есть отказ от логики, от поиска оснований. Просто есть состояние – и всё. Никто не требует от него причин. В нашей культуре, в нашем языке, всё должно иметь причину, объяснение, часто – религиозное или социальное. А «беспричинность» – это как вздох облегчения. Можно просто быть. Можно просто чувствовать. Без вины и без оправданий.

Его слова прозвучали для Арины как откровение. Всю свою взрослую жизнь она искала причины и оправдания. Причины оставаться на нелюбимой работе, оправдания своему одиночеству, логичное объяснение каждой потраченной копейке. Идея «беспричинности» казалась запретной, пугающей и невероятно желанной.

– А можно просто... чувствовать? – тихо спросила она, больше саму себя.

– Иногда это единственное, что имеет смысл, – так же тихо ответил Мехмет.

Официант принёс счёт. Вечерняя прохлада спустилась с гор, смешавшись с тёплым дыханием моря. Их свидание-экскурсия в мир языка и чувств подошло к концу. Но Арина знала – он открыл для неё новую дверь. И за ней был не старый город, а целая вселенная.

Когда они вышли из кафе, ночь уже окончательно всту-

пила в свои права, но это была не та тёмная, глухая ночь её родного города. Это была тёплая, бархатная, светящаяся ночь Алании. Узкие улочки освещали не уличные фонари, а тёплый жёлтый свет из окон домов, витрин лавок и бесчисленных огоньков на террасах ресторанчиков.

– Ну что, – сказал Мехмет, засунув руки в карманы джинсов. Он стоял, слегка склонив голову, и казалось, решал, какую из потайных дверей открыть для неё первой. – Показать вам непарадную Аланию? Ту, что не в путеводителях?

– А разве это законно? – улыбнулась Арина, чувствуя, как внутри рождается лёгкое, почти детское ожидание приключения.

– Для гида с дипломом филолога и преподавателя – всё законно, – с подчёркнутой серьёзностью ответил он, и в его глазах заплясали искорки. – Только придётся заплатить. Рассказами. О России, которую не показывают по телевизору. О вашем детстве. О чём угодно, кроме погоды и курса лиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.